

Ярослав Северцев

**Лев Лакедемона.
Восхождение на
трон царя Спарты
Леонида**

Ярослав Северцев
Лев Лакедемона. Восхождение
на трон царя Спарты Леонида

<https://litres.ru/73734687>

SelfPub; 2026

Аннотация

Третий сын царя, не рожден для трона, должен пройти через ад агонге, раскрыть заговор внутри Спарты и объединить раздробленную Элладу перед лицом персидской угрозы, чтобы стать легендой, которой суждено умереть в Фермопилах.

Ярослав Северцев

Лев Лакедемона.

Восхождение на трон царя Спарты Леонида

Лев Лакедемона. Восхождение на трон царя Спарты Леонида.

Глава 1: Пророчество в Дельфах

540 год до н.э. Спарта

Ребенок родился в тишине.

Это было дурным знаком. В домах лакедемонян (так спартанцы называли себя – по названию своего государства Лакедемон) царицы рожали с криками – так требовала природа, так велели предки. Но третья жена царя Анаксандрида не издала ни звука. Она стиснула зубы так, что желваки заходили под смуглой кожей, сломала деревянную рукоять ложа, но не закричала.

Повитухи переглянулись.

– Это не женщина, – прошептала одна, вытирая кровь с рук. – Это спартанка.

Вторая, старшая, подхватила младенца за тонкие ноги и перевернула. Мальчик не плакал. Он сжимал кулачки и смотрел в потолок мутными, еще невидящими глазами. Пу-

повина обвилась вокруг его шеи темно-синим жгутом – еще миг, и он задохнулся бы в чреве, так и не увидев света.

Но он выжил.

Старшая повитуха, женщина с лицом, изрезанным морщинами, как сухая земля Мессении (области на юго-западе Пелопоннеса, завоеванной Спартой; ее население обратили в рабов-илотов), поднесла младенца к царице.

– Имя?

Царица молчала. Она смотрела на сына, и в ее взгляде не было радости. Только холодная оценка. Она знала: в Спарте детей не любят. Их растят. Их проверяют. Их ломают.

– Имя, – повторила повитуха.

– Леонид (имя означает «подобный льву» или «львиный сын»), – сказала царица. – Похож на льва.

В этом не было материнской нежности. Это был диагноз.

На пятый день после рождения отец, царь Анаксандрид, созвал геронтов (совет старейшин; в герусию входило двадцать восемь геронтов старше шестидесяти лет и два царя).

Это был древний обычай, старше многих законов Ликурга (легендарного законодателя Спарты, создавшего ее государственное устройство и систему воспитания). Каждый спартиат (полноправный гражданин Спарты, прошедший агогу – систему воспитания – и имеющий земельный надел) обязан был принести новорожденного в лесху (общественное зда-

ние, место собраний и обсуждений) – совет старейшин. Если геронты находили ребенка слабым, уродливым, недостойным, они приказывали сбросить его в Апотеты (ущелье в горах Тайгета, куда, по преданию, сбрасывали слабых младенцев).

Пропасть на склоне Тайгета (горного хребта, окружающего Спарту с запада) ждала.

Анаксандрид не хотел этого. У него уже было два сына – Клеомен от первой жены и Дорией от второй. Третий мальчик был излишен. Но закон есть закон. Он велел слуге вернуть младенца в фойникис (красный плащ спартанского воина; в бою носили его, в мирное время ходили в простых хитонах) – грубую красную ткань – и понес в лесу.

Леонид молчал.

Пятнадцать геронтов сидели на деревянных скамьях полукругом. Их лица скрывали седые бороды, глаза провалились в глубокие глазницы. Самому младшему из них было больше шестидесяти. Они видели сотни младенцев. Они отправили в пропасть десятки.

– Покажи, – сказал эфор (член коллегии из пяти эфоров, высшего контрольного органа Спарты; эфоры могли налагать штрафы на царей, смещать их и даже заключать в тюрьму) Лисандр, самый молодой из геронтов, но уже самый опасный.

Анаксандрид развернул фойникис.

Ребенок лежал на красном, и казалось, что он уже в крови.

Тельце было маленьким, но не тощим. Пальцы цепко сжимали край ткани. Ноги были прямыми, голова – круглой.

– Крепкий, – сказал один геронт.

– Молчит, – ответил другой. – Это плохо. Здоровый ребенок кричит.

– Молчание – добродетель спартанца, – возразил третий.

Геронты заспорили. Голоса скрежетали, как мечи о щиты. Анаксандрид стоял неподвижно, не вмешиваясь. Он был царем из рода Агиадов (одного из двух царских родов Спарты, наряду с Еврипонтидами), потомком Геракла в двадцатом колене, но перед геронтами он был всего лишь отец, который принес сына на суд.

– Я вынесу решение, – сказал Лисандр.

Он подошел к младенцу и заглянул в его глаза. Леонид смотрел на него. Не моргая. Не отводя взгляда. Три дня от роду, он уже смотрел как равный.

Лисандр нахмурился.

– Он здоров, – сказал эфор. – Но тих. Слишком тих. Такие либо становятся великими воинами, либо умирают первыми в агоге (государственной системе воспитания спартанцев, длившейся с семи до двадцати лет).

– Решайте, – сказал Анаксандрид. В его голосе не было мольбы. Цари не просят. Они принимают.

Геронты подняли руки. Голосование было тайным – каждый бросал в медный сосуд камешек. Белый – жить. Черный – в пропасть.

Анаксандрид смотрел на руки. Пятнадцать белых.

Ни одного черного.

Лисандр усмехнулся в бороду.

– Видно, боги хотят, чтобы этот щенок вырос, – сказал он. – Но запомни, царь. Третий сын – это либо оружие, либо угроза. Сделай так, чтобы он стал оружием.

Анаксандрид забрал младенца и вышел из лесхи.

На пороге его ждала старшая дочь – Горго. Девочке было пять лет, но она стояла прямо, как воин. Ее мать, первая жена царя, умерла при родах, и Горго воспитывали в казарме, среди мальчишек.

– Это мой брат? – спросила она, глядя на сверток.

– Да, – сказал Анаксандрид.

– Он будет царем?

– Нет. Царем будет Клеомен.

– Тогда кем он будет?

Анаксандрид посмотрел на дочь. В ее глазах горел тот же холодный огонь, что и у ее покойной матери.

– Он будет спартанцем, – сказал царь. – Этого довольно.

В тот же день в Спарту пришли вести из Дельф.

Гонец, покрытый пылью и потом, упал на колени перед Анаксандридом и протянул вощеную табличку. Царь прочитал послание. Его лицо не изменилось. Он перечитал еще раз. Потом позвал старшего сына.

Клеомену было двенадцать. Он был высок для своего возраста, красив, как статуя, и так же холоден. Его уже называли будущим царем.

– Твой дед, – сказал Анаксандрид, – посетил Пифию (жрицу-прорицательницу в храме Аполлона в Дельфах, самое авторитетное оракульное место в Элладе – Греции).

– Зачем? – спросил Клеомен.

– Хотел узнать, будет ли у нас с твоей матерью сын. Ему нужен был наследник. Пифия ответила.

Царь прочитал вслух:

– *«Спарта падет, если род Геракла ослабнет. Царь должен иметь трех сыновей. Третий спасет город или погубит».*

Клеомен усмехнулся.

– Третий? Леонид? Этот младенец?

– Не смейся над пророчествами, – сказал Анаксандрид. –

Боги не шутят.

– Боги говорят загадками, – ответил Клеомен. – Я запомню. Третий спасет или погубит. Значит, либо он станет героем, либо я убью его, когда придет время.

Анаксандрид ударил сына.

Удар был не сильным – царь сдержал руку, – но Клеомен пошатнулся. Кровь потекла из разбитой губы.

– Запомни, – сказал Анаксандрид. – Спартанцы не убивают своих. Врагов – да. Илотов (государственных рабов, в основном из покоренной Мессении) – да. Но не кровь от кро-

ви. Если ты когда-нибудь поднимешь руку на брата, я сам сброшу тебя в Апотеты.

Клеомен вытер кровь рукавом.

– Я запомню, отец.

Он ушел, не поклонившись.

Анаксандрид остался один. Он смотрел на заходящее солнце, окрашивающее горы в цвет запекшейся крови, и думал о пророчестве. Третий сын. Лишний сын. В Спарте не было места лишним.

Но боги хотели, чтобы он жил.

Царь вернулся в дом и подошел к колыбели. Леонид спал. Его кулачки были сжаты, лицо – спокойно. Он не улыбался во сне, как другие дети. Он просто лежал, тихий и неподвижный.

– Выживи, – сказал Анаксандрид. – Выживи и докажи, что ты стоишь этой жизни.

Он вышел. Леонид открыл глаза.

В комнате было темно. Ребенок смотрел в потолок и слушал тишину.

Глава 2: Тень Старшего Брата

535 год до н.э. Спарта

Леониду было пять лет, когда он понял, что он – второй.

Не в смысле порядка рождения – этого он не понимал. Он чувствовал это кожей. Когда в дом приходили гости, они сна-

чала обнимали Клеомена. Клеомен был высоким, говорил красиво, умел улыбаться так, что женщины краснели. Потом они хлопали по плечу Дориея. Дорией был сильным, он уже в восемь лет мог поднять взрослый гоппон (тяжелый круглый щит спартанского гоппита – тяжеловооруженного воина, диаметром около девяноста сантиметров и весом до восьми килограммов) и ни разу не заплакал, когда ему сломали палец на тренировке.

Потом гости замечали Леонида.

– А это? – спрашивали они, глядя на мальчика, который стоял в углу и молчал.

– Третий, – отвечал Анаксандрид.

– Крепкий.

– Да.

Разговор затухал. Леонид не обижался. Он не знал, что такое обида. Он знал только, что Клеомен – это свет, Дорией – это сила, а он – это тишина.

Однажды, когда отец был в отъезде, мать позвала его к себе.

Царица жила отдельно, в небольшом доме за казармами. Она редко выходила к людям и никогда не сидела за одним столом с мужчинами. Спартанские женщины были свободны, как никто в Элладе (так греки называли свою страну; «греками» их называли римляне), но царица Анаксандриды была из тех, кто выбрал молчание.

– Садись, – сказала она.

Леонид сел на деревянную скамью. Мать смотрела на него долго, очень долго. Потом спросила:

– Ты знаешь, почему ты не плакал, когда родился?

– Нет.

– Потому что ты не хотел, чтобы тебя слышали. Ты чувствовал опасность, еще не родившись. Это редкий дар.

Леонид молчал. Он не понимал, о чем говорит мать. Ему было пять лет. Он хотел есть и бегать, а не слушать про опасность.

– Твой брат Клеомен, – продолжила царица, – будет царем. Твой брат Дорией будет военачальником. А ты... ты должен решить сам. В Спарте нет места для третьего сына. Либо ты станешь лучше их обоих, либо умрешь незамеченным.

– Я буду воином, – сказал Леонид.

Мать усмехнулась. Это была не ласковая улыбка – жесткая, как удар плетью.

– Воинов много. В Спарте все – воины. Чтобы выжить, ты должен стать чем-то большим.

– Чем?

– Не знаю. Но когда узнаешь – поймешь.

Она встала и ушла во внутреннюю комнату. Леонид остался сидеть. Он смотрел на свои руки – маленькие, грязные, с обломанными ногтями. Руки ребенка.

Чем большим, – подумал он. – Я стану большим.

Первая драка случилась, когда ему было семь.

Не в агоге – туда его еще не взяли, – а во дворе перед домом. Клеомен приводил своих друзей, сыновей аристократов, и они тренировались с деревянными мечами. Леонид сидел в углу и смотрел.

– Эй, третий, – крикнул один из них, мальчик по имени Эвриад. – Хочешь попробовать?

– Нет, – сказал Леонид.

– Он боится, – засмеялся Эвриад. – Смотрите, третий сын боится!

Клеомен стоял в стороне и улыбался. Он не вмешивался. Ему было интересно.

– Я не боюсь, – сказал Леонид. – Я просто не хочу.

– А если я заставлю? – Эвриад подошел и толкнул его в плечо.

Леонид упал. Он не умел драться – его еще не учили. Он встал, отряхнул хитон (льняную или шерстяную тунику, верхнюю одежду) и посмотрел на обидчика.

– Извинись, – сказал Леонид.

– Что? – Эвриад засмеялся громче. – Ты слышали? Он просит извиниться!

Он толкнул Леонида снова. На этот раз сильнее. Леонид ударился спиной о каменную стену и зашипел от боли.

– Извинись, – повторил он.

Эвриад замахнулся, чтобы ударить.

Леонид не стал уворачиваться. Он шагнул вперед и вцепился зубами в руку Эвриада. Тот закричал. Кровь потекла по его пальцам. Леонид сжимал челюсти так сильно, что слышал хруст собственных зубов.

– Пусти! Пусти, бешеный щенок!

Клеомен подошел и схватил Леонида за волосы, отрывая от Эвриада. Леонид отпустил руку, но успел выплюнуть кусок кожи.

Эвриад плакал. Из его предплечья текла кровь.

– Ты... ты... – он не мог подобрать слов.

Леонид вытер рот. Его губы были красными.

– Ты первый толкнул, – сказал он спокойно. – Я просил извиниться. Ты не извинился.

Клеомен смотрел на младшего брата с новым, неизвестным выражением. Не с презрением. С чем-то вроде уважения.

– Ты проиграл, – сказал Клеомен.

– Я не проиграл, – ответил Леонид. – Он жив, я жив. Это ничья.

– Он старше и сильнее.

– Я укусил его. В следующий раз укушу в горло.

Клеомен рассмеялся. На этот раз искренне.

– Ты дурак, Леонид. Настоящий спартанский дурак.

Он ушел, уводя с собой плачущего Эвриада. Леонид остался один. Он сел на камень и посмотрел на свои руки. Они дрожали. Внутри все дрожало – от страха, от злости, от

непонятного огня, который жёг грудь.

– Ты проиграл, – сказал кто-то сзади.

Леонид обернулся. В дверях стоял отец. Анаксандрид вернулся из поездки раньше и, видимо, видел всю сцену.

– Я не проиграл, – упрямо повторил Леонид.

– Ты позволил себя толкнуть. Дважды. Ты не уклонился. Ты не защитился. Ты просто... укусил, как загнанная крыса.

– Я сделал больно.

– Этого мало. В бою мало сделать больно. Нужно убить. Быстро. Пока противник не убил тебя.

Анаксандрид сел рядом с сыном. От него пахло дорожной пылью и потом.

– Знаешь, почему ты проиграл? – спросил он.

– Я слабее.

– Нет. Ты проиграл, потому что пожалел его.

Леонид поднял голову.

– Что?

– Ты укусил его. Он закричал. Ты ослабил хватку. Ты хотел, чтобы он убежал, а не чтобы он упал замертво. Жалость, Леонид. Жалость убивает.

– Но он же...

– Он твой враг. Неважно, что он ребенок, что он плачет, что он слабее, чем кажется. Враг есть враг. Если ты не убьешь его сегодня, завтра он приведет десятерых и убьет тебя.

Леонид молчал. Ему было семь лет, и он не понимал же-

стокости отца. Но он запомнил каждое слово.

– Жалость убивает, – повторил он.

– Запомни это, – сказал Анаксандрид. – В агоге тебя будут учить многому. Но главное ты должен выучить сам. Спарта не жалеет слабых. Спарта убивает их.

Царь встал и ушел в дом.

Леонид остался на камне. Солнце садилось за Тайгетом, и тени становились длинными, как пальцы мертвецов. Мальчик смотрел на закат и чувствовал, как внутри него что-то меняется. Не ломается – меняется.

Жалость убивает, – думал он. – Значит, я не буду жалеть.

Он сжал кулаки. Костяшки побелели.

– Никого, – сказал он вслух. – Никогда.

В ту ночь ему приснился сон.

Ему снилось, что он стоит на краю пропасти. Внизу, в темноте, лежат дети – те, кого не приняли геронты. Они тянут к нему руки, кричат, плачут. Он смотрит на них и чувствует... ничего.

Потом из темноты выходит лев. Огромный, с черной гривой и глазами, горящими как угли. Лев смотрит на Леонида, и Леонид смотрит на льва.

– Ты боишься? – спрашивает лев.

– Нет, – отвечает Леонид.

– Ты должен бояться. Я твоя смерть.

– Тогда убей.

Лев прыгает. Леонид просыпается в холодном поту.

Сердце колотится так сильно, что кажется, сейчас выскочит из груди. Мальчик сидит на постели, сжимая одеяло, и слушает тишину.

За стеной храпит Клеомен. Где-то в соседнем доме плачет ребенок.

Леонид ложится обратно и закрывает глаза.

Он не плачет. Он никогда не плачет.

На следующее утро Анаксандрид позвал сыновей.

Клеомен, Дорией и Леонид стояли перед отцом во дворе. Царь был в полном вооружении – бронзовый панцирь, шлем с гребнем, копьё в руке. Он выглядел как бог, сошедший с Олимпа.

– Скоро Леонид пойдет в агогу, – сказал он. – Вы оба прошли через это. Вы знаете, что его ждет.

Клеомен кивнул. Дорией усмехнулся.

– Он выживет, – сказал Дорией. – В нем есть злость.

– Злости мало, – ответил Анаксандрид. – Нужна выдержка. Нужна сталь. – Он посмотрел на Леонида. – Ты готов?

– Да, – сказал Леонид.

– Ты боишься?

– Да.

Анаксандрид удивился. Честность была редкой в Спарте.

– Чего?

– Не знаю. Всего. Темноты. Боли. Смерти. – Леонид помолчал. – Но я все равно пойду.

– Почему?

– Потому что я спартанец.

Царь смотрел на сына долго. Потом опустил копье и положил руку на его плечо.

– Это правильный ответ, – сказал он. – Страх – не позор. Позор – бежать от страха. Ты останешься. Ты выдержишь.

Он повернулся к старшим сыновьям:

– Запомните. Этот мальчик слабее вас. Младше. Но у него есть то, чего нет у вас.

– Что? – спросил Клеомен.

– Он знает, что он ничто. И он готов стать всем.

Анаксандрид ушел.

Трое братьев остались стоять во дворе. Клеомен и Дорией переглянулись.

– Ничто, – повторил Дорией. – Отец прав. Ты ничто, Леонид.

– Да, – сказал Леонид. – Но я стану всем.

Он развернулся и ушел.

Клеомен смотрел ему вслед. В его глазах загорелся холодный огонь – огонь ревности. Он был первым сыном, будущим царем. Но почему-то отец смотрел на третьего так, как никогда не смотрел на него.

– Он опасен, – тихо сказал Клеомен.

– Он ребенок, – ответил Дорией.

– Дети вырастают.

Клеомен ушел в дом, оставив брата одного.

Через три дня Леонида забрали в агогу.

Это случилось на рассвете. За ним пришел пэдоном (воспитатель в агоге, обычно опытный воин, отвечавший за группу мальчиков) Талфибий – старый воин с лицом, изрезанным шрамами, и руками, покрытыми мозолями. Он не сказал ни слова. Просто взял мальчика за руку и вывел из дома.

Мать смотрела из окна. Она не плакала. В Спарте матери не плачут, когда их сыновей забирают в казармы.

Леонид обернулся только раз. Он посмотрел на дом, на горы, на красное небо над Тайгетом.

Потом повернулся и пошел.

Пэдоном вел его через город. Спарта просыпалась – открывались двери, выходили женщины, мужчины шли на тренировки. Никто не смотрел на мальчика. Таких было много. Сотни. Тысячи. Каждый год.

– Куда мы идем? – спросил Леонид.

– Молчать, – сказал Талфибий.

Леонид замолчал.

Они пришли к казарме – длинному каменному зданию без окон, с одной дверью, похожей на пасть зверя. Внутри было

темно и пахло потом, кровью и страхом.

– Разденься, – приказал Талфибий.

Леонид снял хитон. Он стоял голый перед старым воином, и его тело дрожало от утреннего холода.

– Волосы, – сказал Талфибий.

Он взял ножницы и срезал длинные волосы мальчика. Темные локоны упали на грязный пол. Леонид смотрел на них и чувствовал, как вместе с волосами уходит что-то важное. Детство. Дом. Мать.

– Одевай, – пэдоном бросил ему грубую тунуку, грязную и рваную.

Леонид надел. Ткань колола кожу.

– Обувь?

– В агоге не носят обувь. Ноги должны быть твердыми, как копыта.

Талфибий подвел его к двери в конце коридора.

– За этой дверью – твоя новая жизнь. Там нет твоего имени. Там нет твоего отца. Там нет твоего рода. Ты – никто. Ты – щенок. Ты будешь есть то, что дадут, спать там, где укажут, и делать то, что прикажут. Если ты заплачешь – тебя выгонят. Если ты сломаешься – тебя убьют. Если ты убежишь – тебя найдут и сбросят в Апотеты.

– Я не убегу, – сказал Леонид.

– Посмотрим.

Талфибий открыл дверь.

За ней было темно. Леонид сделал шаг. Потом второй.

Дверь закрылась за его спиной.

В казарме его встретил крик.

– Новый! Новый пришел!

Его окружили мальчишки. Старше, выше, сильнее. Они смотрели на него, как волки на ягненка.

– Как зовут? – спросил один, с толстым носом и маленькими глазами.

– Леонид, – ответил мальчик.

– Леонид? Львенок? – Толстоносый засмеялся. – Слышите? Львенок!

– Сын царя, – сказал кто-то.

– Царя? – Толстоносый склонил голову. – Царей много. А щенков еще больше.

Он толкнул Леонида. Тот упал. Больно ударился локтем о каменный пол.

– Вставай, львенок. Вставай, – издевался толстоносый.

Леонид встал.

– Меня зовут Эвриад, – сказал толстоносый. – Ты меня помнишь?

Леонид узнал его. Тот самый мальчик, которого он укусил три года назад. Шрам на руке Эвриада был белым и выпуклым.

– Помню, – сказал Леонид.

– Я тоже помню, – Эвриад улыбнулся. – И я ждал этого

дня.

Он ударил.

Леонид не увернулся. Удар пришелся в живот, перехватил дыхание. Он согнулся пополам, но не упал.

– Ты просил извиниться, – сказал Эвриад, подходя ближе.

– А теперь проси ты.

Леонид выпрямился. Глаза слезились, во рту был вкус желчи.

– Нет, – сказал он.

Эвриад ударил снова. В лицо. Хрустнул нос, кровь потекла по губам.

– Проси, щенок.

– Нет.

Удар. Еще удар. Леонид упал на колени.

– Проси.

Леонид поднял голову. Кровь капала с подбородка на грязный пол. Вокруг стояли мальчишки, смотрели, ждали. Кто-то усмехался, кто-то молчал.

– Нет, – сказал Леонид. – Иди к...

Эвриад ударил ногой в грудь. Леонид отлетел к стене и затих.

– Хватит, – сказал кто-то из старших. – Убьешь.

– Он заслужил, – ответил Эвриад, отряхивая руки.

– Заслужил или нет – решать не тебе.

Эвриад сплюнул и ушел. Мальчишки разошлись. Леонид остался лежать на полу, свернувшись калачиком.

Он не плакал. Он лежал и смотрел в темноту.

Жалость убивает, – вспомнил он слова отца. – Я не пожалею его. Никогда.

Он закрыл глаза и провалился в черноту.

Глава 3: Семь Лет

533 год до н.э. Спарта. Казарма агоги

Леонид очнулся от холода.

Кто-то пинал его в бок. Нога была босой, твердой, как камень. Удары следовали один за другим – не сильные, но настойчивые. Боль возвращала сознание медленно, кусками.

– Вставай, – сказал голос. – Щенки не спят на полу. Щенки спят на циновках.

Леонид открыл глаза. Над ним стоял мальчик лет четырнадцати. Высокий, жилистый, с коротко стриженными светлыми волосами и серыми глазами, в которых не было ни капли жалости. На шее у него висела деревянная табличка – знак того, что он ирен (наставник из старших мальчиков, отвечающий за младших).

– Ты спал три часа, – сказал ирен. – Это много. В агоге спят меньше.

Леонид попытался встать. Тело болело. Нос, сломанный ударом Эвриада, распух и мешал дышать. Ребра ныли при каждом движении. Он оперся на руку, но ладонь скользнула по мокрому полу, и он упал снова.

– Слабый, – констатировал ирен. – Тебя убили бы в первый же день криптии (тайной охоты на илотов, которой за-

нимались юноши, прошедшие агогу).

– Я не слабый, – выдавил Леонид. Голос звучал глухо, слова перемешивались с кровью из разбитого носа.

– Слабые говорят, что они сильные. Сильные молчат.

Ирен развернулся и пошел прочь. Леонид смотрел ему вслед. Спина наставника была прямой, шаги – размеренными. Каждое движение дышало уверенностью человека, который уже прошел через то, через что Леониду только предстояло пройти.

Я тоже так буду, – подумал Леонид. – *Я тоже.*

Он встал.

Это заняло много времени. Он вставал, падал, снова вставал. Пол был скользким от чьей-то крови и грязи. В углу казармы кто-то тихо плакал – новичок, такой же, как он. Леонид не обернулся. Жалость убивает. Он запомнил.

Наконец он выпрямился во весь рост. Стены казармы были каменными, без окон. Свет проникал только через узкие щели под крышей – тусклый, серый, рассветный. В углу стояли деревянные циновки, на которых спали мальчишки. Их было человек двадцать. Все в одинаковых грубых туниках, все с остриженными наголо головами.

Один из них, худой и веснушчатый, сидел на своей циновке и смотрел на Леонида.

– Ты сын царя? – спросил он шепотом.

– Да.

– А меня зовут Алкей. Мой отец – гончар. Делает амфо-

ры (большие глиняные сосуды для вина и масла). Хорошие амфоры. Но он не царь.

– Это не важно, – сказал Леонид.

– Важно, – Алкей усмехнулся. – Тебя будут бить чаще. Сыновей царей бьют больше всех. Чтобы никто не думал, что им что-то прощают.

Леонид сел на соседнюю циновку. Она была жесткой и пахла плесенью.

– Эвриад, – сказал он. – Он тоже сын аристократа?

– Эвриад? – Алкей скривился. – Его отец – один из геронтов. Богатый. Он здесь главный среди младших. Его боятся.

– Я его не боюсь.

– Зря. Он убьет тебя, если ты не будешь бояться.

– Он уже пытался. Я жив.

– Пока да.

Алкей замолчал. Леонид лег на циновку и закрыл глаза. Спать хотелось невыносимо, но тело не слушалось. Боль пульсировала в висках, в носу, в груди. Он лежал и слушал, как плачет мальчик в углу.

Потом плач прекратился. Кто-то подошел к плачущему. Раздался глухой удар – ногой по животу. Ирен вернулся.

– В агоге не плачут, – сказал он равнодушно. – Запомните это все. Слезы – позор. Позор наказывается.

Наступила тишина. Даже тот мальчик перестал всхлипывать.

Первый день в агоге начался с черной похлебки.

Ее принесли в большом глиняном котле двое илотов (государственных рабов, в основном из покоренной Мессении) – молчаливые, сгорбленные, с лицами, на которых застыло выражение вечной покорности. Запах от похлебки шел такой, что у Леонида свело желудок. Пахло уксусом, кровью и чем-то горелым.

– Мелас зомос (черная похлебка – основная еда спартанцев), – сказал ирен. – Ваша еда. Ваша жизнь. Кто не ест – тот слаб. Слабых мы выгоняем.

Мальчишки выстроились в очередь. Каждому наливали в глиняную миску половник густой, темно-коричневой массы. Алкей взял свою миску, понюхал и побледнел.

– Это вообще можно есть? – прошептал он.

– Ешь, – сказал Леонид.

Он отхлебнул из своей миски. Вкус был отвратителен – соленый, кислый, с привкусом свиного жира и уксусной кислоты. Леонид заставил себя проглотить. Желудок сжался, норовя вытолкнуть еду обратно. Он сжал челюсти и сделал еще глоток.

Рядом Алкей поперхнулся. Похлебка потекла по его подбородку, смешиваясь со слезами.

– Я не могу, – прошептал он. – Это же... это...

– Можешь, – сказал Леонид. – Смотри на меня.

Он поднес миску ко рту и выпил остатки одним долгим

глотком. Желудок скрутило, но он удержал. Поставил миску на пол. Вытер рот тыльной стороной ладони.

Ирен, стоявший в углу, наблюдал. Его лицо оставалось бесстрастным, но что-то в глазах изменилось. Едва заметно.

Алкей, глядя на Леонида, тоже начал пить. Он давился, кашлял, но пил. Когда миска опустела, он поставил ее рядом с миской Леонида и выдохнул.

– Ты сумасшедший, – сказал он.

– Я голодный, – ответил Леонид.

После завтрака – если это можно было назвать завтраком – ирен построил их во дворе.

Двор был залит утренним солнцем, но камни под ногами оставались холодными. Леонид стоял босиком и чувствовал, как холод проникает сквозь ступни, поднимается по ногам, сковывает тело.

– Семь лет, – сказал ирен, прохаживаясь перед строем. – Вам по семь лет. Вы ничто. Вы даже не паисы (дети, щенки – низшая ступень в агоге). Вы ниже паисов. Вы – грязь под моими ногами.

Он остановился перед Леонидом.

– Твое имя?

– Леонид.

– Леонид? – ирен наклонил голову. – Лев? Ты думаешь, ты лев?

– Я сын царя.

– Здесь нет царей. Здесь есть только агоге. И закон. Закон один: сильный живет, слабый умирает.

Он прошел дальше, к Алкею.

– Твое имя?

– Алкей, – голос Алкея дрожал.

– Сын гончара?

– Да.

– Твой отец лепит горшки. А ты будешь лепить свое тело.

Из глины и крови.

Ирен вернулся в центр строя.

– Правила. Вы будете есть то, что дают. Спать там, где укажут. Ходить босиком. Носить одну тунику – зимой и летом. Вы будете молчать, когда старшие говорят. Вы будете стоять, когда старшие сидят. Вы будете терпеть боль, когда старшие приказывают.

Он выдержал паузу.

– Кто нарушит правила – будет наказан. Наказание – плети. У алтаря Артемиды Орфии (святилище Артемиды, где проводились публичные порки мальчиков).

– А если убежать? – спросил кто-то из строя.

– Убежать нельзя, – ирен улыбнулся. – Вокруг горы. В горах – волки и илоты. Илоты ненавидят спартанцев. Если они поймают беглеца – убьют. Медленно. С удовольствием. Так что бегите. Я разрешаю.

Никто не пошевелился.

– Хорошо, – сказал ирен. – Теперь – пирриха (военный танец с оружием для развития координации).

Он бросил на землю деревянные мечи. Короткие, тяжелые, с затупленными краями.

– Каждый берет. Вы будете танцевать. Пока не упадете.

Пирриха оказалась хуже, чем черная похлебка.

Танец был простым – три шага вперед, удар, три шага назад, блок, прыжок, выпад. Но Леонид не умел координировать движения. Меч был слишком тяжелым, ноги скользили по холодным камням, а ирен кричал так, что закладывало уши.

– Медленнее! Быстрее! Ниже! Куда смотришь? Меч – продолжение руки! Рука – продолжение тела!

Леонид споткнулся, упал, рассек колено об острый камень. Кровь потекла по голени, смешиваясь с грязью.

– Встать! – крикнул ирен.

Леонид встал. Колено жгло огнем. Он поднял меч и продолжил.

– Три шага! Удар! Три шага!

Ритм сбивался. Леонид оступался снова, но на этот раз удержался на ногах. Он сжал рукоять меча так, что побелели костяшки. Зубы были стиснуты. Он смотрел прямо перед собой и двигался.

Вперед. Удар. Назад. Блок.

Вперед. Удар. Назад. Блок.

Руки дрожали от усталости. Дыхание сбилось. Солнце поднялось выше и теперь пекло голову, остриженную наголо. Леонид чувствовал, как пот стекает по лицу, щиплет глаза, смешивается с кровью на губах.

– Хватит, – сказал ирен через час. Или через два. Леонид потерял счет времени.

Мальчишки попадали на землю. Некоторые плакали. Алкей лежал ничком и тяжело дышал.

Леонид не упал. Он стоял на дрожащих ногах, сжимая в руке деревянный меч. Колено кровоточило. Нос, сломанный Эвриадом, болел так, что перед глазами плыли круги.

– Ты, – ирен показал на Леонида. – Стой. Остальные – в казарму.

Мальчишки поднялись и побрели внутрь. Алкей обернулся, посмотрел на Леонида с тревогой, но ничего не сказал. Когда двор опустел, ирен подошел к Леониду вплотную.

– Ты не упал, – сказал он.

– Нет.

– Почему?

– Потому что упавшие не выживают.

Ирен смотрел на него долго. Потом взял деревянный меч из его рук.

– Ты не умеешь драться, – сказал он. – Твои движения – как у новорожденного козленка. Ты слаб. Ты медлителен. Твой удар – это удар девочки.

– Я научусь.

– Научишься? – ирен усмехнулся. – Может быть. Но сейчас ты – ничто. Запомни это. Каждое утро, просыпаясь, говори себе: я ничто. Каждый вечер, засыпая, говори: я ничто. Пока не станешь кем-то.

Он развернулся и ушел, оставив Леонида одного во дворе.

Леонид стоял. Ноги дрожали. Колено болело. Нос распух так, что он дышал ртом.

Я ничто, – подумал он. – *Я стану всем*.

Он пошел в казарму, волоча ноги по камням. Каждый шаг отдавался болью в разбитом теле. Но он шел.

Ночью его разбудил удар.

Он открыл глаза и увидел Эвриада. Тот сидел на корточках рядом с его циновкой и улыбался. В темноте его лицо казалось черепом.

– Не спи, львенок, – сказал Эвриад шепотом. – У нас есть разговор.

Леонид сел. Тело затекло от холода и жесткой циновки. Рядом спали мальчишки – кто-то тихо посапывал, кто-то ворочался во сне. Алкей лежал на соседней циновке, свернувшись калачиком.

– Иди за мной, – сказал Эвриад.

– Нет, – ответил Леонид.

Эвриад схватил его за горло. Пальцы были сильными, жи-

листами. Они сдавили гортань так, что Леонид не мог дышать.

– Ты пойдешь, – прошипел Эвриад. – Или я задушу тебя здесь. Никто не проснется. А если кто и проснется – никто не вступится. Ты – никто, Леонид. Сын царя? Здесь ты – грязь.

Он ослабил хватку. Леонид судорожно вдохнул.

– Вставай.

Леонид встал. Эвриад вывел его из казармы во двор. Ночь была холодной, небо – черным, без звезд. Ветер дул с гор, принося запах снега и сосновой смолы.

Во дворе стояли еще трое мальчишек. Леонид узнал их – они были из свиты Эвриада.

– Знаете, что делают со щенками, которые кусаются? – спросил Эвриад, обращаясь к своим. – Им выбивают зубы.

Он ударил.

Леонид упал. Удар пришелся в челюсть – голова дернулась, в глазах вспыхнули белые круги.

– Держите его, – сказал Эвриад.

Двое мальчишек схватили Леонида за руки, третий наступил ему на грудь, прижимая к земле. Леонид рванулся, но сил не было. Тело не слушалось. После дня тренировок мышцы превратились в вареное мясо.

Эвриад присел рядом. В руке у него был камень.

– Открой рот, – сказал он.

Леонид сжал челюсти.

– Открой рот, щенок. Или я разобью тебе лицо камнем.

Не один зуб – все.

Леонид смотрел на него. Кровь из разбитого носа текла по губам, затекала в рот. Вкус железа наполнил язык.

Жалость убивает, – вспомнил он слова отца. – *Я не пожалею его.*

Он плюнул кровью в лицо Эвриаду.

Эвриад замер. Кровь медленно стекала по его щеке, капала на тунику. Его глаза расширились – сначала от удивления, потом от ярости.

– Ты... – прошипел он.

Он занес камень.

– Пустите его, – раздался голос из темноты.

Все замерли.

Из тени вышел ирен – тот самый, с серыми глазами. Он стоял, скрестив руки на груди, и смотрел на Эвриада. В его взгляде не было гнева. Только усталость.

– Я сказал: пустите.

Мальчишки отпустили Леонида. Он остался лежать на земле, глядя в черное небо.

– Эвриад, – сказал ирен. – Ты нарушил правило. Бить можно. Но только днем. И только на виду. Ночные драки – для трусов.

– Он меня укусил, – огрызнулся Эвриад. – Три года назад. Он заслужил.

– Мне плевать, что он сделал три года назад. Сейчас он – паис. Ты – ирен. Ты должен учить его, а не калечить.

– Я учу.

– Ты мстишь. Это разные вещи.

Ирен подошел к Леониду и протянул руку. Леонид посмотрел на его ладонь – широкую, покрытую шрамами и мозолями. Потом взял ее. Ирен рывком поднял его на ноги.

– Иди в казарму, – сказал он Леониду. – Завтра будет новый день. Тяжелее, чем сегодня.

Леонид пошел. Он не оглядывался. Он чувствовал спиной взгляд Эвриада – тяжелый, полный ненависти.

В казарме он лег на циновку и закрыл глаза. Рядом зашевелился Алкей.

– Ты живой? – прошептал он.

– Да.

– Я слышал... они тебя били?

– Да.

– А ты?

– Я плюнул ему в лицо.

Алкей замолчал. Потом тихо сказал:

– Ты правда сумасшедший.

– Нет, – ответил Леонид. – Я просто не умею проигрывать.

Он закрыл глаза и провалился в сон – глубокий, без сновидений.

Глава 4: Голод и Воровство

532 год до н.э. Спарта. Казарма агоги

Через месяц Леонид понял, что черная похлебка – это не самое страшное.

Страшным был голод.

Еды давали ровно столько, чтобы не умереть. Одна миска мелас зомос (черной похлебки) утром, одна – вечером. Ни хлеба, ни мяса, ни вина. Только похлебка – густая, соленая, отвратительная.

Но мальчишки росли. Их тела требовали еды, и голод становился постоянным спутником – тупым, ноющим, неотвязным.

– Воруйте, – сказал им пэдоном (воспитатель) Талфибий на втором месяце обучения. – Если голодны – воруйте. Но не попадайтесь.

Он сидел на каменной скамье во дворе и чистил ксифос (короткий спартанский меч, которым воины пользовались в ближнем бою). Лезвие сверкало в солнечном свете. Талфибий был старым воином, участником многих войн. Его лицо пересекал шрам от виска до подбородка, левая рука не сгибалась в локте – перебита аргосским (из Аргоса, давнего врага Спарты) копьём тридцать лет назад.

– Воровать? – переспросил один из мальчишек. – Но это же...

– Это закон, – перебил Талфибий. – Закон Ликурга. Спартанцы должны быть голодными. Голод делает воина быстрым и злым. Но если вы умрете от голода – вы не станете воинами. Поэтому вы должны воровать. Еду. У илотов. У сосед-

них казарм. У кого угодно.

Он поднял ксифос и осмотрел лезвие на свет.

– Но если вас поймают – я буду пороть вас плетьюми. Каждого. Пойманного – плетьюми. Не пойманного – похвалой. Выбирайте.

Он встал и ушел, оставив мальчишек в растерянности.

– Он серьезно? – спросил Алкей.

– В Спарте всегда серьезно, – ответил Леонид.

Первую кражу Леонид совершил через три дня.

Целью была кухня – небольшое каменное строение за казармой, где илоты готовили еду для старших воинов. Ночью, когда все спали, Леонид выбрался из казармы через узкое окно в задней стене. Он был худым и гибким – прошел.

Двор был пуст. Луна спряталась за тучами, и темнота стояла такая, что Леонид двигался на ощупь. Он знал, где кухня. Он знал, что илоты спят в соседнем сарае. Он знал, что дверь в кухню не запирается – зачем запирать еду от спартанцев? Ведь это их еда.

Он проскользнул внутрь. Пахло хлебом, сыром и жареным мясом. У Леонида закружилась голова. Он не ел мяса два месяца.

На столе лежал хлеб. Целый каравай – пшеничный, с хрустящей корочкой. Рядом стоял кувшин с оливковым маслом. На крюке висел окорок.

Леонид взял хлеб.

И тут же услышал шаги.

Он замер. Шаги были тяжелыми, неспешными. Кто-то шел к кухне. Илот? Воин?

Леонид метнулся к окну, но окна в кухне не было – только дверь. Он прижался к стене, за большим глиняным пифосом (огромным сосудом для хранения зерна, вина или масла), и затаил дыхание.

Дверь открылась. Вошел илот – старик с седой бородой и лицом, изрезанным морщинами. Он был босым, в грязной тунике, и двигался медленно, как во сне.

Илот подошел к столу, взял нож, отрезал кусок хлеба. Положил в рот. Жевал долго, с наслаждением, закрыв глаза.

Леонид смотрел на него. В животе урчало. Хлеб пах так, что слюна текла по подбородку.

Илот доел хлеб, облизал пальцы и вышел, не закрыв дверь.

Леонид подождал. Сосчитал до ста. Потом выскользнул из-за пифоса, схватил каравай и окорок и выбежал во двор.

Сердце колотилось так, что казалось, его стук слышат все спартанцы в радиусе стадий (стадий – мера длины, около 180 метров).

Он добежал до казармы, пролез в окно и рухнул на циновку.

– Ты где был? – прошептал Алкей.

– Есть, – сказал Леонид, разрывая хлеб пополам. – Ешь.

Алкей взял хлеб, понюхал, и глаза его наполнились слезами. Не от боли – от радости.

– Ты украл?

– Я не попался.

Они ели молча, быстро, жадно. Хлеб был сухим, но сладким, как мед. Окорок – жирным, тающим на языке.

Когда еда кончилась, Алкей облизал пальцы и посмотрел на Леонида.

– Ты не боишься?

– Боюсь, – ответил Леонид. – Но голод сильнее страха.

На следующее утро их построили во дворе.

Талфибий прохаживался перед строем. Его лицо было мрачнее обычного.

– Сегодня ночью, – сказал он, – пропал хлеб и мясо с кухни. Илоты говорят, что не брали. Значит, брал кто-то из вас.

Мальчишки молчали. Леонид стоял с каменным лицом.

– Кто это сделал? – спросил Талфибий.

Тишина.

– Если виновный не признается, я выпорю всех.

Он выдержал паузу.

– Я сказал: кто это сделал?

Молчание.

– Хорошо, – Талфибий кивнул одному из иренов (наставников). – Принеси плети.

Ирен ушел и вернулся с пучком ивовых прутьев, связанных воедино. Это была лигомастия (плеть из ивовых прутьев, которой наказывали мальчиков в агоге). Прутья были гибкими и тонкими – такие оставляли на коже глубокие, кровоточащие полосы.

– Первый, – сказал Талфибий.

Мальчишки выстроились в очередь. Каждый должен был подойти к каменному столбу у стены, раздеться до пояса и получить десять ударов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.